

Шорт-лист премий PEN/Faulkner Award, Folio Prize
и Дублинской литературной премии

ДЖЕННИ ОФФИЛЛ БЮРО СЛУХОВ

«Смешно, трогательно
и очень правдиво.

Роман "Бюро слухов" компактен
и загадочен, как нейтрон».

Майкл Каннынгем,
лауреат Пулитцеровской премии

Дженни Оффилл

Бюро слухов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68608114

Бюро слухов: Лайвбук; Москва; 2023

ISBN 978-5-907428-67-6

Аннотация

«Бюро слухов» – объемный портрет одной семьи, но в то же время – это увлекательное размышление о тайнах близости и доверия и о состоянии всеобщего кораблекрушения, которое объединяет нас всех. Героиня романа влюбляется, выходит замуж, рождает дочь, преподает литературное мастерство, борется с клопами в квартире, ходит на йогу, пытается осознать, что у мужа есть любовница, но это внешнее. На самом деле первично ощущение, что все в мире связано: наша будничная жизнь, полная мелочей, и слова Китса, Кафки, Рильке; любовные письма со штемпелем «Бюро слухов» и отчаянный опыт русских космонавтов; нежная материнская любовь и советы домохозяйкам за 1896 год. Дженни Оффилл пишет с хладнокровной точностью, языком, переливающимся яростью, остроумием и неистовой тоской. Ей удалось создать изысканно захватывающую историю о непостоянстве вещей и их ускользающей красоте.

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	16
5	19
6	21
7	24
8	29
9	32
10	38
11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дженни Оффилл

Бюро слухов

Посвящается Дейву

*Рассуждающие о природе Вселенной не лучшие
сумасшедших.*

Сократ

Jenny Offill
Dept. of Speculation

*This edition is published by arrangement with Union Literary
and The Van Lear Agency LLC*

Дизайн обложки и иллюстрации Ксении Волковой

Copyright © 2014 by Jenny Ofëll

© Юлия Змеева, пер. на русский язык, 2022

© Livebook Publishing, 2022

1

Зрение у антилопы в десять раз острее, чем у человека. Ты сказал это вскоре после нашей встречи. В безоблачную ночь антилопам видны кольца Сатурна.

Вскоре нам предстояло рассказать друг другу все, что мы знали. Но некоторые вещи уже тогда казались слишком незначительными и не стоящими упоминания. Так почему я думаю о них сейчас? Сейчас, когда мне так все надоело.

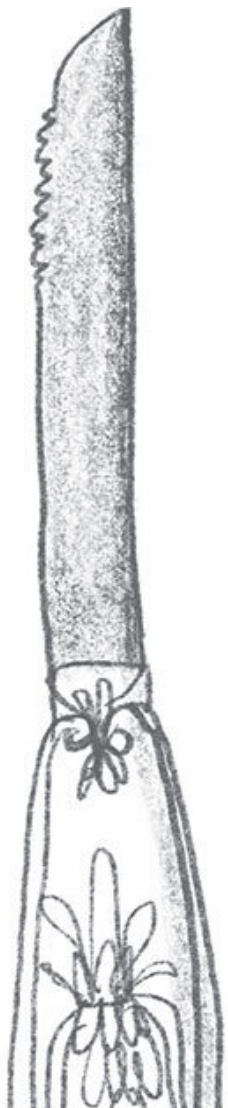
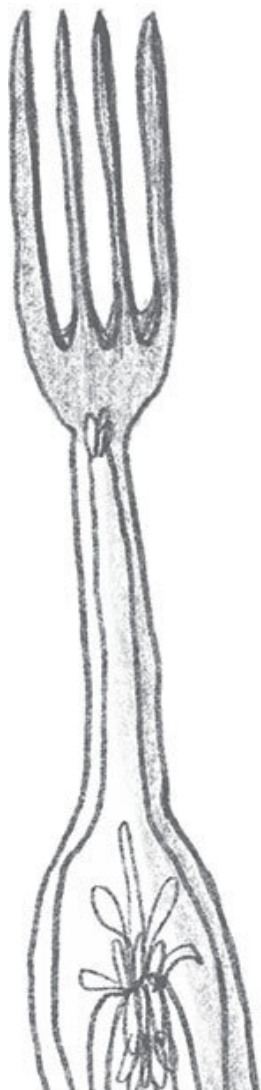
Воспоминания меньше песчинок. Эти крошечные частицы то сбиваются в рой, то разлетаются кто куда. Эдисон называл их «маленьким народцем». Считал отдельными сущностями. У него была теория происхождения воспоминаний: он считал, что они берутся из космоса.

Когда я впервые отправилась в путешествие одна, то в одном ресторане заказала стейк. Но когда его принесли, увидела, что это просто шмат сырого мяса, порезанный на кусочки. Я попыталась его съесть, но крови было слишком много. Куски застревали в горле. В конце концов я просто выплюнула прожеванный кусок в салфетку. А на тарелке тем временем оставалось еще много мяса. Я испугалась, что официант заметит, что я ничего не ем, станет смеяться или ругаться. Я долго сидела и смотрела на стейк, потом взяла булочку, вынула из нее мякиш и положила туда мясо. У меня была очень маленькая сумочка, но я решила, что незаметно смогу

сунуть туда булочку. Я заплатила по счету и ушла, боясь, что меня остановят, но никто меня не остановил.

Днем я гуляла в городском парке и притворялась, что читаю Горация. На закате люди выходили из метро и заполняли улицы. В Париже даже метро было красивым; да и разве могло быть иначе. *Небо, не душу меняют в заморских чужбинах скитальцы.*

Был там один парень из Канады, он ел только овсянку. Был француз, попросивший меня показать ему зубы. Англичанин – якобы из друидского рода. Нидерландец – он продавал слуховые аппараты.

Потом я встретила австралийца, он говорил, что любит путешествовать один. Мы пили у моря, а он рассказывал о своей работе. Самое прекрасное чувство – это когда до ученика наконец доходят твои объяснения, когда на его лице отражается понимание. Я кивнула, меня тронули его слова, хотя я ни разу никого ничему не научила. А что ты преподаешь, спросила я? Уччу детей кататься на роликах, ответил он.

То лето выдалось очень дождливым. Оно запомнилось мне хлюпающими ботинками и запахом моего несчастного свитера – от него всегда пахло мокрой собакой. В каждом городе я наблюдала одну и ту же сцену: парень выходит на улицу, открывает зонтик, а девушка тем временем ждет на крыльце.

Другая ночь. Моя старая квартира в Бруклине. Поздно, но я, разумеется, не могу уснуть. Над головой мои соседи-наркоманы весело разбирают мебель. Ветки бьются в окно. Мне вдруг становится холодно, я натягиваю на голову одеяло. Лошадей так выводят из горящей конюшни. Если лошадь не видит, она и не паникует. Пытаюсь понять, стало ли мне спокойнее с одеялом на голове. Пожалуй, нет.

2

Я устроилась в научный журнал редактором, проверяющим факты. Рубрика так и называлась – «Забавные факты». *Протяженность волокон в человеческом мозге такова, что их можно сорок раз обернуть вокруг Земли.* Какой ужас, написала я на полях, но они все равно это опубликовали.

Мне нравилась моя квартира, потому что все окна находились на уровне тротуара. Летом я видела, какие у кого туфли, а зимой окна засыпало снегом. Однажды я лежала в кровати и в окне появилось ярко-красное солнце. Оно попрыгало из стороны в сторону, а потом я поняла, что это мяч.

Жизнь – это структура плюс действие.

Согласно исследованиям, чтение является серьезной нагрузкой для нервной системы. В одном психиатрическом журнале даже писали, что у жителей африканских племен увеличилась потребность в сне, когда их научили читать. В подобные теории очень верили французы: во время Второй мировой самые большие пайки полагались тем, кто занимался тяжелым физическим трудом, и тем, чья работа была связана с письмом и чтением.

У меня над рабочим столом много лет висел стикер. Там было написано: «Занимайтесь работой, а не любовью!» Любовь казалась слишком ненадежным источником счастья.

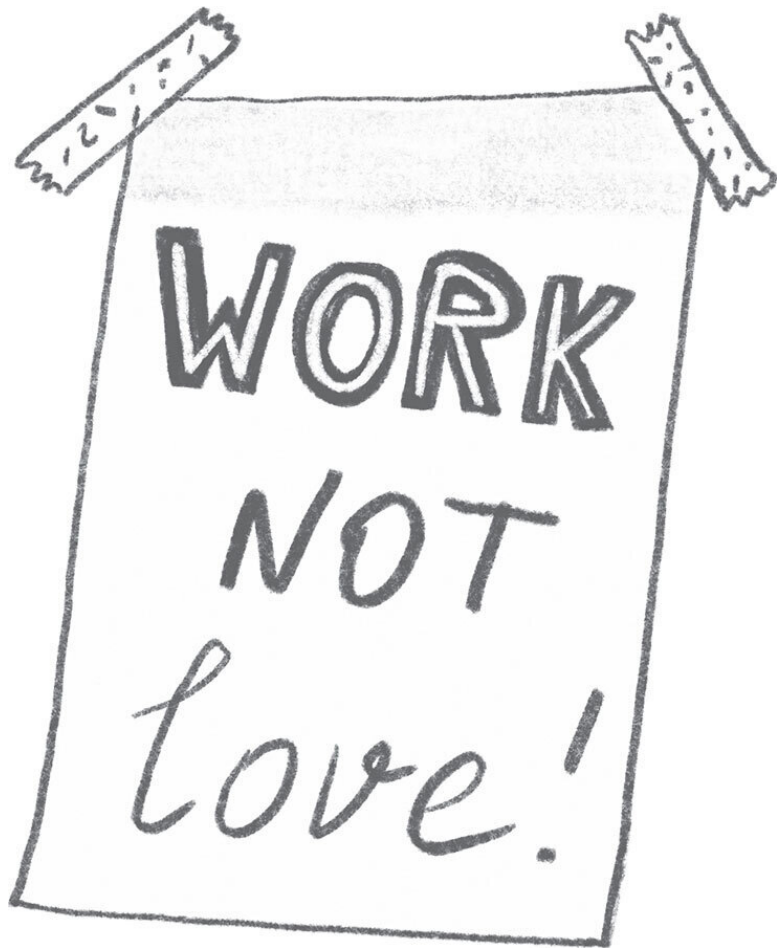
В коробке с ненужными вещами, которую кто-то бросил

на улице, я нашла книгу под названием «Жить, а не выживать». Достала ее, пролистала, раздумывая, хочу ли я ее читать.

Людям кажется, что переживаемые ими эмоциональные страдания – перманентное состояние, но для большинства людей они лишь временны.

Но что, если я особенная? Что, если я – меньшинство?

У меня имелись на свой счет кое-какие идеи. В основном непроверенные. В детстве мне нравилось выкладывать из палок свое имя. Огромными буквами.

Кольридж писал: *Если мой ум меня не обманывает, мне*

не только удалось освободиться от ограничений, накладываемых временем и пространством... полагаю, я способен на большее, а именно, однажды я смогу развить все пять чувств... и эта эволюция поможет мне решить загадки жизни и сознания.

У меня был план: не выходить замуж. Вместо этого я планировала стать великим деятелем искусства. Женщины почти никогда не становятся великими деятелями искусства, потому что тех заботит только искусство и никак не бытовые проблемы. Набоков даже зонтик сам не складывал. Вера облизывала для него марки.

Дерзкий план, сказал мой друг-философ. А я сдала в печать первую книгу, когда мне исполнилось двадцать девять лет. *Если мой ум меня не обманывает...*

В тот день я пошла на вечеринку и напилась вдрызг.

Страдают ли звери от одиночества?

Другие звери, я имею в виду.

Вскоре после этого ко мне зашел бывший парень. Похоже, он приехал из Сан-Франциско, просто чтобы выпить со мной кофе. По пути в кофейню извинился, что никогда не любил меня по-настоящему. Надеялся загладить вину. «Погоди, – сказала я, – ты все еще ходишь на собрания „Анонимных наркоманов?“»

Тем вечером по телевизору я увидела татуировку точно про меня. *Люби меня, если еще не познал страдания.* Пожалела, что не догадалась сделать себе такую. Какой-то русский

уголовник меня опередил.

Я, конечно, сразу вспомнила парнишку из Нового Орлеана, пьяницу, которого любила без памяти. Каждый вечер в матросском баре я сдираала этикетки с его бутылок и пыталась уговорить его пойти домой. Но он не шел. Уходил, лишь когда за окном светало.

Он был очень хорош собой, и я любила смотреть, как он спит. Если бы меня попросили охарактеризовать наши отношения метафорой, я бы выбрала такую: он заставил меня подпевать всем самым ужасным песням на радио. И когда любил меня, и когда перестал.

В последние недели мы ездили в машине молча, пытаюсь сбежать от жары. Мы были каждый сам по себе в городе, ставшем для нас фантазией. Я боялась говорить, боялась даже коснуться его руки. *Помнишь этот знак, это дерево, эту старую улицу? Помнишь, что мы чувствовали?* Сначала на календаре оставалось двадцать дней, потом пятнадцать, десять, и наконец настал день, когда я сложила вещи в машину и уехала. Я проехала два штата, плакала, жара давила на сердце, как кулак. Но потом я обо всем забыла. И теперь ничего не помнила.

3

Один человек путешествует по миру в поисках таких уголков, где можно застыть неподвижно и не слышать звуков, производимых людьми. В городах, считает он, невозможно ощутить спокойствие, потому что там редко слышно пение птиц. В ходе эволюции человеческое ухо стало системой раннего оповещения. Там, где птицы не поют, человек перманентно пребывает в состоянии повышенной тревоги. Жить в городе – значит постоянно вздрагивать от возможной угрозы.

Буддисты различают сто двадцать одно состояние сознания. Лишь три из них связаны со страданием и несчастьем. Но большинство людей мечутся между этими тремя.

Старуха в парке говорит: *сойки по пятницам летят на сходку к дьяволу.*

«Уезжай из этого проклятого города, – говорит сестра. – Воздухом подыши». Четыре года назад они с мужем переехали в Пенсильванию в старый полуразвалившийся дом на реке Делавэр. Прошлой весной сестра с детьми приезжали в гости. Мы ходили в парк, в зоопарк, в планетарий. И все равно они были недовольны. *Почему тут все так орут?*

В квартире моего друга-философа было очень спокойно. Окна выходили на реку, там всегда было светло. По воскресеньям мы ели блинчики и яичницу. Он перебивался слу-

чайными заработками и работал ночным диджеем на радио. «Я работаю с одним парнем – вот бы вам познакомиться. Он делает звуковые пейзажи города». Я взглянула на голубей за его окном. «Что это значит?» – спросила я.

Он дал мне диск, чтобы я послушала дома. На обложке был изображен старый желтый телефонный справочник, промокший под дождем. Я поставила диск и закрыла глаза. «И кто такое придумал?» – подумалось мне.

4

Я подарила тебе свою любимую вещицу из Чайнатауна, спьяну вложила тебе в ладонь. Мы сидели у меня на кухне в ту первую ночь. «Прекрасная марлевая маска», – гласила надпись на упаковке.

Наутро я пошла к своему другу-философу. «О нет, что же ты наделал?» – сказала я. Он приготовил мне завтрак и рассказал о своем свидании. «Где ты видишь себя через пять лет? – спросила его девушка. – А через десять? А через пятнадцать?» К концу свидания, когда он проводил ее до дома, она уже допытывалась, что будет через тридцать лет. «Как утка пошла на свидание с медведем», – сказала я. Философ задумался. «Скорее, утка с бокалом мартини», – ответил он.

Ты мне позвонил. Потом я тебе. *Заходи. И ты заходи.*

Я узнала, что ты не боишься любой погоды. Ты мог гулять по городу и в дождь, и снег, и в слякоть, и все записывать. Я купила теплую куртку со множеством полезных карманов. Ты грел в них руки.

Ночью я слушала тебя по радио. Однажды ты поставил в эфире звук сталкивающихся атомов. В другой раз – листьев, шелестящих на ветру. Ты называл их звуками со своих полевых вылазок. Я замерзала в квартире и слушала твою программу в кровати, натянув одеяло до подбородка. В шапке, перчатках и толстых мужских шерстяных носках. Однажды

ты поставил трек, записанный специально для меня. Фургон с мороженым, крики чаек на Кони-Айленде, скрип крутящегося колеса обозрения.

В городе глупо иметь телескоп, но мы его все равно купили.

В том году я уже не путешествовала одна. Встретимся там, сказал ты. А когда увиделись на вокзале, было уже поздно передумывать. Ты подстригся в самой дешевой парикмахерской. Я тогда была намного толще, чем сейчас. Не было ли ошибкой тащиться на край света? Мы постарались не делать поспешных выводов.

Мы не понимали, куда едем, пока не сели на катер, плывущий на Капри. Стояло начало апреля. Над морем моросил легкий холодный дождик. От пристани мы поднялись на фуникулере; кроме нас, туристов не было. Кондуктор пожал плечами и сказал: вы рано приехали. На улицах пахло лавандой, и мы долго не замечали, что здесь нет машин. Мы остановились в дешевой гостинице; в жизни не видела такого красивого пейзажа, как из окон нашего номера. Вода чистейшего оттенка синего. Темный каменистый утес, выступающий в море. Хотелось плакать, ведь я не сомневалась, что никогда больше не вернусь в это красивое место. Давай пошатаемся по острову, сказал ты; как всегда, когда я начинала грустить. Мы пошли по тропинке вдоль утеса и набрали на автобусную остановку. Там стали ждать, взявшись за руки; не разговаривали. Я подумала: интересно, каково это –

жить среди такой красоты? Подъехал автобус. Там были целых три человека: один продавал билеты, второй проверял, третий сидел за рулем. Нас это развеселило. Мы съездили в дальнюю часть острова, где на нас смотрели с любопытством. В магазине продавалась жвачка под названием «Бруклин»; ты мне ее купил.

5

Мы прошли диораму с антилопами. «У антилоп зрение в десять раз лучше, чем у человека», – сказала я, но ты не смотрел на меня. «В чем дело?» – спросила я. Ни в чем. Ни в чем. Но позже в зале минералов опустился на одно колено. Вокруг мерцали камни.

Гесиод говорил: *Невесту выбирай из тех, кто живет рядом, а к выбору подходи тщательно, чтобы не взять в жены ту, что станет посмешищем для соседей. Нет ничего важнее хорошей жены и ничего ужаснее жены плохой.*

После мы вернулись в гостиничный номер, упали на гостиничную кровать. Снаружи ждали почти все, кого мы любили. Ты взял мою руку, поцеловал ее и произнес: «Что же мы наделали? Что мы наделали?»

Когда мы только познакомились, я мучилась от хронического кашля. Кашель курильщика, хотя я никогда не курила. Я ходила по врачам, но никто не мог меня вылечить. Я тогда тратила очень много сил, сдерживая кашель. Лежала рядом с тобой по ночам и пыталась не кашлять. Одно время я вбила себе в голову, что у меня туберкулез. *Здесь покоится та, чье имя начертано на водах*, представляла я красивую эпитафию на своем надгробном камне. Но это оказался не туберкулез. А после замужества кашель сам прошел. Что же это было? Может, одиночество?

Лежа в постели, ты бережно держишь мою голову, будто на ней до сих пор родничок, который нужно беречь. *Не отдаляйся*, говоришь ты. *Почему ты так далеко?*

Дом нужен для того, чтобы некоторых людей держать при себе, а некоторых не впускать. У дома есть периметр. Наш периметр иногда нарушали соседи, герлскауты, свидетели Иеговы. Никогда не любила звук дверного звонка. В него всегда звонили только неприятные люди.

Но и в самом доме были нарушители. Мыши; много мышей. Мы взяли напрокат кота, безжалостного мышееубийцу; он поймал и сожрал их всех. Его звали Карл; по ночам я слышала, как он хрустит мышинными косточками на кухне. Мне становилось не по себе, хуже чем от звуков мышинной возни. Парень из Нового Орлеана, моя старая любовь, однажды рассказал, как боролся с мышами его отец – варил их заживо в кипятке. Меня так это поразило, что я даже не спросила, как он их ловил и зачем убивать таким способом, но позже мне стало любопытно. Его отец родился в другой стране, может, там так было принято.

В моей старой квартире мыши бесчинствовали в открытую. Совсем стыд потеряли, не боялись ни света, ни метлы. Они жили в кладовой, и однажды, когда мы лежали в постели, дверь кладовой сорвалась с петель и упала на пол. «Они, наверно, готовились использовать ее как таран», – сказал ты.

6

Когда мы пошли смотреть квартиру, к нам приехала его мать и пошла с нами. Заметила, что церковь как раз напротив. Чуть высунешься из окна, и видно Христа на кресте. Хороший знак, сказала она; сын ее, правда, больше в Христа не верил, но это так, мелочи.

Увидев квартиру, мы обрадовались, что там есть дворик, а потом расстроились – весь двор занимала детская площадка с горками и шведской стенкой, а нам она была не нужна. Впрочем, когда мы подписывали договор аренды, я узнала, что беременна, и мы обрадовались детской площадке, потому что теперь стало ясно, что та пригодится. Но сразу после переезда выяснилось, что сердце ребенка перестало биться, и теперь я смотрела на детскую площадку в окно и мне становилось грустно.

Я хорошо помню тот день: ты взял такси с работы за пятьдесят долларов, обнял меня на пороге и держал, пока я не перестала дрожать. Мы уже всем рассказали. Теперь придется рассказывать другое. Ты взял это на себя, чтобы мне не пришлось. Потом приготовил ужин из всего, что мне нельзя было есть – вяленое мясо, непастеризованный сыр. Мы выпили две бутылки вина и уснули.

Я кормила птиц, что жили у нас за окном. Кажется, это были воробьи.

Вопрос: Обитают ли воробьи в Америке?

Ответ: Да, но так было не всегда.

Вопрос: А зачем воробьев завезли в Америку?

Ответ: Насекомые уничтожали деревья; воробьев завезли, чтобы бороться с насекомыми.

Вопрос: И как, помогло?

Ответ: Да, деревья спасли.

Вопрос: Голодают ли воробьи зимой, когда нет насекомых и выпадает снег?

Ответ: Да, зимой воробьям приходится туго и многие умирают от голода.

Усатая тетка с белыми волосами вечно задерживала очередь в аптеке. Иногда приходилось ждать по полчаса, чтобы купить лекарство от изжоги. Я снова забеременела и глотала по пачке антацидов в день. Но тетку не смущал даже мой огромный живот. Она никуда не спешила. Однажды я терпеливо стояла на кассе и ждала, пока она выложит все свои товары перед симпатичным аптекарем.

– Вам повезло, – сказала она. – У вас еще все впереди. У нас с сестрой один из самых высоких результатов в IQ-тесте, на уровне гениев. Я училась в Корнелле. Знаете Корнелл?

Аптекарь улыбнулся, но покачал головой.

– Это университет Лиги плюща. Но какая разница. В конце концов это образование никому не пригодилось.

Аптекарь аккуратно сложил ее покупки в пакет. Зубная паста, крем от зуда, самые дешевые леденцы.

– Будьте здоровы, – сказал он ей на прощание, но она оста-

новилась на пороге.

– Когда ваша смена? – спросила она. – У вас есть постоянное расписание?

Глаза у малышки были темные, почти черные, и когда я кормила ее ночью, она смотрела на меня растерянно, как жертва кораблекрушения. А мое тело было островом, куда ее прибило.

Манихейцы верили, что мир полон осколков невидимого света – фрагментов Бога, который уничтожил себя, потому что больше не хотел существовать. Этот свет заперт в телах людей и животных, и даже в растениях, а цель манихейца – попытаться его освободить. По этой причине манихейцы воздерживаются от секса; младенец, по их мнению, – не что иное как новая тюрьма, где заперт божественный свет.

Помню, как впервые произнесла это слово. «Это для моей дочери», – сказала я, и сердце забилося так часто, будто я совершила преступление и боялась, что меня арестуют.

В первые дни я выходила из дома и брала ее с собой, лишь когда у нас заканчивалась еда или памперсы. Да и тогда ходила только в аптеку. Ближайшая находилась в квартале от нашего дома. В лютый холод с ребенком на руках я могла пройти только до этой аптеки. Ушла бы дальше – не успела бы добежать до дома, если бы малышка вдруг начала кричать. Эти расчеты были важны, потому что кричала она постоянно. Соседи даже начали отворачиваться, встречая нас на лестнице, а мне казалось, что у меня в голове постоянно

срабатывает автомобильная сигнализация.

Ты уходил на работу, а я еще долго смотрела на дверь, словно ждала, что та откроется.

Мне казалось, что моя любовь к ней обречена и надеяться на взаимность не стоит. Почему никто не сочиняет песни о безответной любви матерей к своим детям? Я не знала ни одной.

Она тогда еще была совсем маленькой и засыпала у тебя на груди. Иногда я кормила тебя ужином с ложечки, чтобы тебе не приходилось шевелить руками – иначе она бы проснулась.

Больше всего она любила скорость. Если я брала ее на улицу, приходилось идти очень быстро, даже бежать иногда. Стоило чуть замедлить шаг или, не дай Бог, остановиться, она тут же начинала скулить. А дело было лютой зимой, и иногда мне приходилось ходить и бегать часами, тихо напевая колыбельные.

«Чем сегодня занималась?» – спрашивал ты, возвращаясь с работы, и я пыталась придумать историю из ничего.

Однажды я прочла исследование о том, как действует на человека нехватка сна. Ученые соорудили островки из песка в бассейне с водой и посадили на них очень уставших кошек. Кошки сворачивались калачиком на песке и засыпали, но во сне принимали другую позу и в ужасе просыпались уже в воде. Не помню, что ученые пытались доказать; запомнила лишь, что кошки в итоге сошли с ума.

С младенцем дни тянулись бесконечно, но в этом не было ничего хорошего. Забота о ребенке требовала от меня выполнения ряда повторяющихся задач, которые были одновременно срочными и нудными. День делился на маленькие отрезки.

И еще выражение – «спать как младенец». На днях одна блондинка в метро это сказала. Мне захотелось лечь с ней рядом и пять часов вопить ей в ухо.

Но запах ее волос. И то, как она сжимала кулачком мой палец. Это было лучшее лекарство. В кои-то веки мне не надо было думать. Во мне проснулись животные инстинкты.

Я заказала по интернету диск, создатели которого обещали усыпить даже самого капризного младенца. Диск со звуками биения гигантского сердца. Внутри которого ты вынужден жить, не имея возможности сбежать.

Как-то вечером в гости зашел Р., а я как раз поставила диск. «Ого. Какое ужасное техно», – сказал он. Он сидел на диване и пил пиво, а я шагала по комнате с ребенком на руках. Р. колесил по всему свету и выступал с лекциями о будущем и о том, как человечество мчится навстречу катастрофе. Я ходила по коридору взад-вперед и слушала, как он вещал о конце света. *Как только возникли корабли, возникли и кораблекрушения*, рассуждал он. Двадцать шагов вперед, двадцать шагов назад. Бум, бум, бум, бум, билось гигантское сердце. Но эти звуки лишь раздражали ребенка. Крики не утихали. «Она всегда так орет?» – не выдержал Р. через пару часов. Мы больше не дружим с Р.; он перестал быть нашим другом тем самым вечером.

8

А в один прекрасный день я сделала удивительное открытие. В аптеке малышка успокаивалась. Ей, видимо, нравился резкий дневной свет и полки со всякой всячиной. На пятнадцать-двадцать минут, что мы проводили там, она переставала ненавидеть мир и затихала. И когда это происходило, в моей голове расчищался маленький кусочек свободного пространства, и я снова могла думать. И вот я начала ходить с ней туда каждый день, бродить взад-вперед по узким проходам и слушать ужасную аптечную фоновую музыку. Я смотрела на лампочки накаливания, пузырьки с лекарствами и мышеловки, и все казалось чуждым и бессмысленным. В последний раз я так себя чувствовала, когда мне было шестнадцать и я жила в Саванне, штат Джорджия. Я носила побитые молью платья и воображала себя философом-экзистенциалистом. Дни тогда тоже тянулись бесконечно.

Однажды по пути в аптеку мы наткнулись на соседа, который выгуливал собаку. Он, кажется, ненавидел весь мир, кроме моей дочки. «Какое у нее серьезное лицо, – одобрительно сказал он. – Эта дураков терпеть не станет». Малышка посмотрела на него своим задумчивым взглядом, словно рассматривая что-то на расстоянии тысячи футов. Издавала звук, похожий на рычание. Сосед хотел, чтобы она погладила его собаку – гигантского недружелюбного мастифа в ошей-

нике с шипами. «Это хороший пес, – объяснил он, – только алкашей и негров не любит, ну и латиносов тоже не очень».

Спите, когда спит ребенок, советовали бывалые. Не ложитесь спать в плохом настроении.

Если бы я умела перемещать предметы силой мысли, велела бы этой ложке покормить ребенка.

Издалека приехала моя лучшая подруга. Прилетела на двух самолетах, а потом еще добиралась поездом до Бруклина. Мы встретились в баре рядом с моей квартирой и торопливо выпили. Каждая минута стоила мне денег на няню. Раньше мы говорили о книгах и сплетничали об окружающих; теперь все разговоры были о младенцах. Ее ребенок был милым и спокойным, мой постоянно воевал со всем миром. Мы пытались сформулировать теорию света, хотя наш разум был затуманен алкоголем. При рождении каждый человек представляет собой ярчайший источник света, но с возрастом этот свет затухает, постепенно (если повезет) или резко (если не повезет). Самым харизматичным людям – поэтам, мистикам, исследователям – каким-то образом удается сохранить в себе немного света, хотя с возрастом тот должен гаснуть. Но самая шокирующая и невыносимая мысль заключается в том, что таков естественный порядок вещей – свет должен погаснуть. От двадцати до тридцати он иногда дает о себе знать; с тридцати до сорока еще, бывает, поблескивает едва-едва, ну а потом почти у всех глаза потухают.

«Наденьте ребенку шапку!» – говорили все старушки на

улице. Но мой хитрый ребенок научился срывать все шапки и даже в лютый ветер и дождь гулял с непокрытой головой.

«Кто хороший малыш?» – сюсюкали с ней люди на улице. Никто, отвечала я.

У нее на затылке был завиток волос. У нас есть, наверно, тысяча фотографий этого завитка.

Мой муж славится своей добротой. Он из тех, кто перечисляет деньги пациентам с редкими заболеваниями, расчищает от снега дорожку перед домом нашей чокнутой соседки, приветливо здоровается с толстухой-аптекарейшей. Он из Огайо. В Огайо все такие: всегда говорят «спасибо» водителям автобусов и никогда не лезут без очереди к ленте для получения багажа. У него нет списка людей, которые когда-то ему насолили и теперь им надо отомстить. Он верит, что все желают друг другу только хорошего. Как вышло, что он на мне женился? Я всех ненавижу по поводу и без повода. Например, терпеть не могу, когда люди сидят, расставив ноги. А еще меня бесят те, кто говорит, что «выкладывается на 110 процентов». И те, кто говорит о себе «мы не бедствуем», а самом деле у них денег куры не клюют и они купаются в роскоши. «Вы очень критичны», – замечает моя психотерапевтка, и всю дорогу домой я думаю об этом и плачу.

Мы с сестрой говорим по телефону. Я гуляю с дочкой, усадив ее на плечи. Она протягивает руку, хватая что-то, тянет в рот и давится. «Переверни ее вверх ногами! – кричит сестра. – С силой похлопай по спине!» Я хлопаю, и мне на ладонь выпадает зеленый лист, все еще целый и красивый.

Я начинаю интересоваться мерами безопасности на случай чрезвычайной ситуации. Пытаюсь заинтересовать и му-

жа. Например, прошу, чтобы он всегда носил в рюкзаке карманный ножик и маленький фонарик. В идеале мне конечно бы хотелось, чтобы он купил себе противодымный капюшон, который можно использовать и как парашют. Если у вас есть деньги и вы боитесь чрезвычайных ситуаций, можете купить себе такой, я читала. Муж говорит, что я паникерша. Не будет никаких чрезвычайных ситуаций, говорит он. Но я хочу, чтобы он все-таки пообещал. Я требую обещать, что в случае чего он не полезет спасать других людей, а как можно скорее поедет домой. Он, кажется, расстроен такой перспективой, но я продолжаю его кошмарить. *Не вздумай спасать ни секретаршу, ни старушку, ни толстяка, которому тяжело подняться по лестнице, потому что он запыхался от натуги. Сразу езжай домой. Спасай дочь.*

Через несколько дней малышка видит, как включается садовый шланг. Мы впервые слышим ее смех.

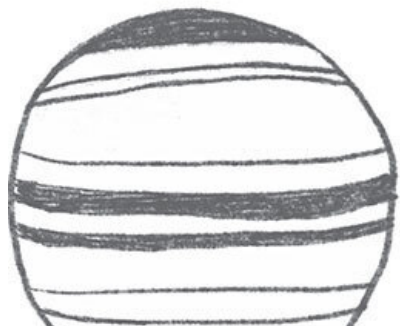
Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Так сказал первый человек в космосе.

Когда приходит время ложиться спать, дочка засовывает обе ножки в одну штанину своего просторного комбинезона и хитро ждет, пока мы заметим.

У меня есть фото матери, которая держит на руках меня маленькую. Ее лицо полно любви. Много лет меня смущала эта фотография. А теперь у меня есть такая же.

Теперь мы каждый вечер танцуем на кухне с малышкой на руках. От счастья кружится голова.

Она полюбила мячики. Любой предмет, похожий на мяч, видит издалека, со ста шагов. *Мятик*, говорит она на Луну. *Мятик. Мятик.* А в дни, когда Луну не видно, недовольно тычет в темноту.

Муж устраивается на новую работу – подбирает музыку для рекламы. Там лучше платят. Есть соцпакет. Знакомые спрашивают – нравится? «Неплохо, – отвечает он и пожимает плечами. – Не самая тоскливая работа на свете, бывает хуже».

Малышка учится ходить. Решаем устроить вечеринку, показать всем, какая она уже большая и совсем похожа на настоящего человечка. До вечеринки остается много дней, а она требует: «Плазник ситяс! Плазник ситяс!» Вечером накануне «плазника» стягиваю ее тонкие волосики в хвостик. «Похожа на девочку», – удивленно говорит муж. Через час подтягиваются гости. Она пять минут толкается среди них, потом тянет меня за рукав и кричит: «Не хотю плазник! Плогони их! Не хотю плазник!»

Ее любимая книжка – про пожарных. Она смотрит на картинку и изображает, как звонит в колокольчик и спускается вниз по лестнице. *Динь-дон, колокольчик звенит! Пожарный отряд на помощь спешит!*

Муж читает ей книжку каждый вечер, даже страницу с выходными данными – очень-очень медленно и с выражением.

Она полюбила такую игру: разбрасывать всех своих плюшевых зверей по гостиной. «Малыфы, малыфы», – мрачно бормочет она, ходит от одного к другому и накрывает их белыми салфетками. Мы называем эту игру «поле боя времен Гражданской войны».

Как-то раз мы выходим гулять, и она сама бежит по тротуару. Я в ужасе; боюсь, что она забудет остановиться перед проезжей частью. «Стой! – кричу я. – Стой! Стой!»

«Твоя задача – чтобы она дожила до восемнадцати», – говорит сестра. У нее двое сорвиголов, мальчики, разнояйцевые близнецы. Она живет за городом, но все грозитя переехать в Англию. Муж британец. Решением всех проблем он считает школу-интернат и обязательную игру в нарды. Ему здесь никогда не нравилось. Американцев считает тупыми. Чтобы утихомирить его, сестра подает ему на ужин вареное мясо и пюре из зеленого горошка.

В квартиру сверху переехали молодые ребята, по виду панки. Хозяин дома живет во Флориде и просит нас за ними присматривать. Муж помогает им перенести наверх их три предмета мебели и гигантскую стереосистему. Они мне нравятся: напоминают моих студентов. Умные, чувствительные и, как ни странно, серьезные. «Ух ты, вы женаты, круто», – говорит мне однажды девушка, а парень одобрительно кивает.

Перед лекцией замечаю, что у меня в волосах кусочек рвоты. Кусочек, пожалуй, слишком громко сказано, но тем не менее. Промываю волосы в раковине. Я читаю лекцию под названием «Магия и ужас».

Иногда ловлю себя на том, что мысленно разговариваю с ребятами из квартиры сверху.

Знаете, чем семейная жизнь похожа на панк?

Ничем.

Знаете, чем семейная жизнь похожа на панк?

Кто-то тоже все время блюет и гадит себе в штаны.

Муж заходит в ванную с молотком. Он что-то говорит; перечисляет, что сделал по дому. «Починил стул, который шатался. Подложил под ковер нескользящий коврик. Сливной механизм в бачке надо заменить. Течет». Еще одна черта,

которая меня в нем восхищает. Стоит ему заметить, что что-то сломано, и он сразу берется чинить. Не начинает мрачно размышлять о том, почему все вечно ломается и рано или поздно неизбежно приходит в упадок.

Мне все советуют заняться йогой. Один раз я попробовала, ходила в студию по соседству. Мне понравилась только одна поза в конце, когда инструктор накрыла всех одеялом и мы лежали и десять минут притворялись мертвыми. «Как поживает ваш второй роман? – спрашивает меня завкафедрой. – Часики-то тикают».

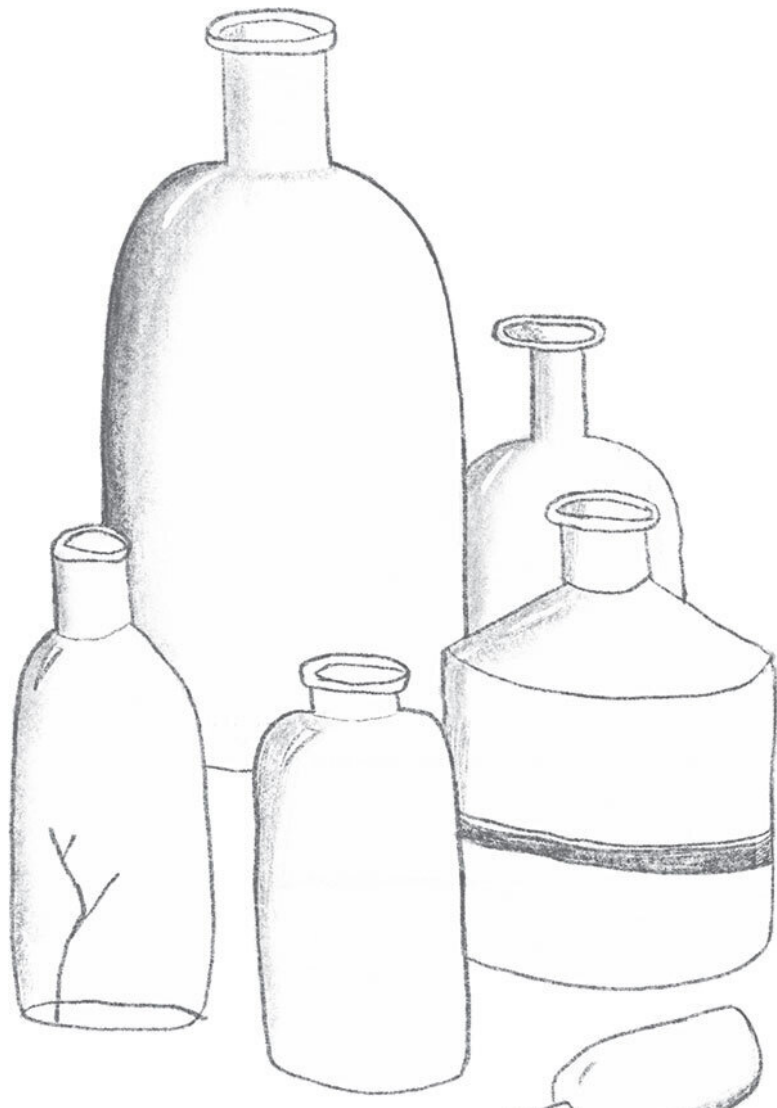
Мы звали ее *маленькой*. Маленькая, маленькая, иди сюда. Отпусти кошку, маленькая. Потом однажды она возмутилась. «Я не майенькая, я бойфая», – сказала она; лицо потемнело, как грозовая туча.

Звонит бывший начальник и спрашивает, нужна ли мне работа. Одному его знакомому миллионеру нужен гострайтер – написать книгу об истории космической программы. «Большие деньги, – говорит он, – но этот мужик – настоящий кусок говна». Рассказываю мужу. Соглашайся, говорит он. Оказывается, у нас денег на памперсы не хватает, не говоря уж о пиве и чипсах.

Фитцджеральд писал: *Лишь недавно был полон флакон... и вот ничего не осталось. Погоди, вот, кажется, капля на дне... Нет, просто так падает свет.*

Я встретила с этим миллионером. Идея у него совершенно дурацкая. Он хочет сначала рассказать о создании

космической программы США, потом о космической гонке, потом, в середине книги, добавить свою историю о том, как он почти слетал в космос, но все-таки не слетал и очень расстроился. Закончить книгу планирует предложениями по колонизации вселенной, снабдив их подробными техническим чертежами собственного изготовления. «Неплохо, – говорю я. – Все любят космос». Почти-космонавт доволен. Выписывает мне чек. «Это будет сенсация, – говорит он. – Сенсация!»»

Иногда по ночам я провожу интервью сама с собой.

Чего ты хочешь?

Не знаю.

Чего ты хочешь?

Не знаю.

А в чем проблема?

Просто оставь меня в покое.

На ужин приходит мальчик, чистый сердцем. Его приводит наша знакомая, которая решила молодиться. Он держится натянуто и позволяет себе лишь краем губ улыбаться нашим шуткам. Он на десять лет моложе всех нас и смотрит так, будто выискивает в нас следы омертвения души и похороненных мечтаний. «Какое он имеет право сравнивать свои воображаемые достижения с нашими реальными», – говорит кто-то из гостей, когда мальчик уходит.

Не прыгай со стенки. Не бегай по проезжей части. Не бей себя по голове камнем, чтобы проверить, что будет.

Естественно, будет сложно, говорит подруга. Ты же воспитываешь живого человека, у нее есть душа.

В 1897 году французский врач Ипполит Барадюк провел серию фотоэкспериментов. Он надеялся доказать, что в теле есть душа, покидающая его в момент смерти. Он пристегнул живого голубя к доске, растянув ему крылья, положил ему на грудь фотопластинку и тщательно ее закрепил. Он надеялся, что на пластинке отобразится *нечто*, когда он перере-

жет голубю горло. И действительно, на пластинке отобразилось нечто вроде туманных завитков.

Вплоть до семнадцатого века люди верили, что у магнита есть душа. Как еще объект может притягивать или отталкивать другие объекты?

Однажды вижу, как наш сосед-собачник пинает на улице матрас. Лупит его ногами. На матрасе кто-то написал красной краской: «КЛОПЫ. ИСПОРЧЕН».

Барадюк утверждал, что умеет фотографировать эмоции. *Ненависть, радость, горе, страх, сочувствие, благочестие и так далее. Чтобы достичь данных результатов, не нужны новые химикаты. Сгодится любая обычная камера.* Он находил людей, пребывавших в высоком эмоциональном возбуждении, и помещал в нескольких дюймах от их головы светонепроницаемую бумагу. Он обнаружил, что одна и та же эмоция проявляется на фотопластинке одинаковыми отпечатками; разные же эмоции выглядят по-разному. Гнев выглядел как фейерверки. Любовь – как нечеткое туманное пятно.

В детском саду я всегда встречаю других мам. Кто-то приходит раньше времени, и поскольку каждый день это одни и те же, они замечают, что я постоянно опаздываю. Эти же мамы – ранние пташки – всегда помнят, что нужно принести и в какой день. Иногда нас просят принести фотографию ребенка с папой, иногда – солнцезащитный лосьон или пустую коробку от яиц, из которой они что-то мастерят. Поскольку, кроме меня, в садике еще есть опаздывающие мамы, воспитатели установили нам льготный период. Утром можно прийти с небольшим опозданием, и если ребенок не придет в точно назначенное время, это, конечно, плохо, но не смертельно. Гораздо хуже пропустить начало занятий, где дети садятся в кружок и говорят о том, как растут цветы и что для этого нужно (вода, солнце), или что мы, люди, – тоже животные, или в каком порядке расположены планеты и какая ближе всего к Солнцу, а какая – дальше всего от Солнца. Все дети в курсе, что Плутон – больше не планета; они злорадно хохочут, когда их стареющие родители-тугодумы об этом забывают. Если нас просят что-то принести на урок, там тоже есть льготный период. Например, упаковку от яиц нужно принести к определенному дню, но это не тот день, когда она понадобится, и если в этот день у тебя не будет лотка от яиц, катастрофы не случится. Катастрофа случится на сле-

дующий день, но и тогда – даже тогда – некоторые учителя держат наготове несколько запасных лотков, если какие-то мамы все-таки забудут. Они их или сами приносят или полагаются на ранних пташек, которые все помнят и вместо одного лотка приносят несколько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.